

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ВОСПРИЯТИЯ ИНОКУЛЬТУРЫ КАК КАТЕГОРИЯ ИМАГОПОЭТИКИ¹

А.А. Забияко, Е.В. Сенина

В статье представлены результаты исследования механизмов возникновения и функционирования художественного образа восприятия как центральной категории имагопоэтики. Авторы отмечают проблемы в методологическом оснащении отечественной литературоведческой имагологии: недостаточное понимание необходимости междисциплинарной практики литературоведческого и этнопсихологического анализа и описательный подход к критериям и категориям имагопоэтики.

Ключевые слова: имагология, художественный образ восприятия, стереотип, имагопоэтика, Россия, Китай, художественные приемы.

IMAGERY PERCEPTION OF FOREIGN CULTURE AS A CATEGORY OF IMAGOLOGICAL POETICS

A.A. Zabayako, E.V. Senina

The article presents the results of a study of the mechanisms of occurrence and functioning of the imagery of perception as the central category of imagopoetics. The authors note problems in the methodological equipment of the domestic literary imagology: lack of understanding of the need for interdisciplinary practice of literary and ethnopsychological analysis and a descriptive approach to the criteria and categories of imagopoetics. The study is based on such concepts as image, image of perception, image of mutual perception, ethnic consciousness, ethnic world-picture, ethnocultural constants, mechanisms of interethnic relations, interaction of Russian and Chinese auto- and heterostereotypes, causal attribution.

Key words: imagology, imagery of perception, installation, stereotype, imagopoetics, Russia, China.

Литература и художественная Веселовский) [4], но и эволюцию форм публицистика воспринимающих друг друга этнического сознания – в присущей этносов запечатлевают не только «эволюцию литературе образной форме. Художественная форм поэтического сознания» (А. Н. мысль способствует закреплению,

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ 20-012-00318 «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)».

Забияко Анна Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, Амурский Государственный Университет, заведующая кафедрой литературы и мировой художественной культуры (г. Благовещенск).

Zabayako Anna Anatolyevna – Doctor of Science (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Literature and World Art at Amur State University (Blagoveshchensk).

E-mail: sciencia@yandex.ru

Сенина Екатерина Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО МИД России (г. Москва).

Senina Ekaterina Vladimirovna – Candidate of Science (Philology), the senior lecturer at the Department of Chinese, Vietnamese, Thai and Laotian languages at MGIMO University (Moscow)

E-mail: e.senina@my.mgimo.ru

воспроизведению и продуцированию в общественном сознании представлений воспринимающих этносов друг о друге на определенном историческом этапе.

За последние десятилетия в отечественном литературоведении весьма подробно исследованы проблемы восприятия европейским сознанием (немцами, британцами, французами) образов русских и наоборот, русскими – представителей европейских народов, разрабатываются парадигмы художественной репрезентации «образов России» в европейских литературах [25; 28; 38].

На наш взгляд, центральной категорией имагопоэтики является понятие **художественный образ восприятия**. При осмыслении понятия «образ восприятия» в литературоведческом понимании представляется целесообразным обратиться к концептуальному ядру категории – психологическому понятию «восприятие». В психологии восприятие трактуется как «субъективный образ предмета, явления или процесса, непосредственно воздействующего на анализатор или систему анализаторов» [20]. Субъективность образа в воспринимающем сознании определяется тем, что восприятие может быть преднамеренным и непреднамеренным, оно зависит от прошлого опыта человека, установок, знаний, содержания и задач выполняемой деятельности, индивидуально-психологических различий людей (потребностей, склонностей, интересов, мотивов, эмоционального состояния и т.д.) [20]. Этим обусловлена разница в восприятии одних и тех же явлений разными людьми или же одним и тем же человеком в разное время.

Понятие «образ» является одним из ключевых в трудах философов, искусствоведов, психологов, филологов, поскольку эти области знания исследуют особенности человеческого познания, при котором воспринимающее сознание отражает образы окружающего мира. Согласно классическим философским трактовкам, образ «...являет нашему взору не абстрактную сущность, а конкретную ее

действительность» [8]. С философской точки зрения, образ – это «явление, возникающее как результат запечатления одного объекта в другом, выступающем в качестве воспринимающей формации – духовной или физической; образ есть претворение первичного бытия в бытие вторичное, отраженное и заключенное в чувственно доступную форму» [16].

Когда в качестве воспринимающих формаций выступают народы и культуры, вступающие в отношения взаимного восприятия [1: с. 93; 3], возникают образы взаимного восприятия в этническом сознании.

Суть работы этнического сознания [15] состоит «в понимании и переживании группой феномена этничности. Именно поэтому этническое сознание выступает, прежде всего, как этническое самосознание – как направленность сознания этноса на постижение своей природы» [18]. В процессе этнической идентификации устанавливаются признаки различия и признаки сходства, выражаемые в категориях «свое» – «чужое» [15; 18]. При этом категория «чужие», отличительные признаки «чужих групп» выступают исходным критерием для сравнения в воспринимающем сознании.

В процессе восприятия этническое сознание пересотворяет реальность в «модусе схватывания» – «специфическом синтезе признаков в определенную идеальную целостность, способ комбинирования единиц восприятия в композицию смыслов» [15: с. 226].

Важнейшим фактором формирования образов взаимного восприятия при взаимодействии культур является этническая картина мира – сформировавшаяся на основании этнических констант, с одной стороны, и ценностных доминант, с другой, представления человека о мире – отчасти осознаваемые, отчасти, бессознательные.

В каждой национальной культуре доминируют свои этнокультурные константы, определяющие особенности мировоззрения, религиозности, этнической психологии, художественного творчества,

исторической судьбы народа [18: с. 133]. Константы этнической культуры формируют представления народа об основополагающих сторонах человеческого существования (времени, пространстве, святом, отчизне, чужбине, отношении к предкам, отношении к труду и т.д.).

Этнокультурные константы накладывают отпечаток на характер межэтнических отношений и сильнее проявляются в тех геополитических пределах, где этносы сосуществуют. Так, этническое сознание русских на Дальнем Востоке исторически актуализировано соседством с Китаем и присутствием китайцев, и, наоборот, этническое сознание северо-восточных китайцев во многом определяется взаимодействием с русскими и их присутствием в Китае с XVII в. по наши дни.

Так как этническое сознание интенционально направлено на познание «другого» и самопознание в конечном счете, то логично было бы определить важнейшие механизмы взаимовосприятия этносов. Ими являются механизмы стереотипизации [44] и рефлексии, способствующие созданию «зеркального образа», соответственно – в построении «образов взаимного восприятия» (авгостереотипы и гетеростереотипы, присущие тому или другому этносу) [2; 10; 36: с. 289].

Любопытно в данном ракурсе сопоставить этнические авто- и гетеростереотипы русских и китайцев. Ли Иннань, ученый-россиевед, билингв, знающий и понимающий изнутри и китайскую, и русскую культуры, пишет, в частности, об этой коллизии столкновения «своего» и «чужого»: «Как известно, в русской культуре поведение в публичном пространстве (на улице, в общественных местах и т.п.) строго регламентируется и считается одним из важнейших критериев воспитанности, культурного уровня человека. Публичное пространство находится под общественным контролем, и нарушение правил поведения вызывает резкое осуждение. При этом в частном пространстве (семья, дом) человек ведет себя гораздо свободнее, следуя не столько каким-

то правилам, сколько своим чувствам, эмоциям, сиюминутному настроению. Недаром русская поговорка гласит: “Дома как хочу, а в людях как велют”.

В китайской культуре действуют прямо противоположные стереотипы поведения. Конфуцианская этика всегда придавала особое значение регламентированию поведения внутри семьи, установлению внутрисемейной иерархии и соответствующих правил поведения. Семейный этикет служил той базовой моделью, на которой строились общественный порядок и правила поведения между людьми, связанными теми или иными социальными отношениями. Одно из самых известных изречений Конфуция: “Пусть правитель будет правителем, подданный – подданным, отец – отцом, сын – сыном”, – глубоко укоренилось в национальном менталитете. Современный китаец в стенах дома, в кругу родных и знакомых по-прежнему скован этикетными правилами, но, выходя на улицу, он оказывается в урбанистическом пространстве, неконтролируемом конфуцианской этикой. Он чувствует себя свободным и может вести себя, как ему удобно. Люди, двигающиеся вокруг, не принимаются во внимание. “Прохожий” (лужэнь – букв. “уличный человек”) в китайском языке имеет дополнительное значение “человек, с которым нет никаких отношений”. Отсюда древний фразеологизм: “ши тун лужэнь” (“смотреть, как на прохожего”), означающий холодное, равнодушное отношение (ср. в русском языке “смотреть, как на пустое место”). Люди, встреченные в публичном пространстве, остаются вне поля общения, внимания, на них не распространяются традиционные правила вежливости» [23].

Еще один из важнейших механизмов восприятия этносами друг друга – каузальная атрибуция, приписывание причин поведения, чувств, намерений, мыслей и достижений индивидов на основании групповой принадлежности [36: с. 279]. Добавим – и внешнего облика. Данный процесс осуществляется чаще всего неосознанно –

либо на основе идентификации с другим человеком, т.е. при приписывании другому тех мотивов или чувств, которые сам субъект, по его мнению, обнаружил бы в аналогичной ситуации [29]. В культуре данный механизм действия этнического сознания отражен многообразно: в языке он становится причиной появления обидных этнонимов (этнофолизмов), определяющих «чужой этнос». Например, «желтопузые», «желтолицы», «косоглазые» – по отношению к китайцам со стороны русских; «лаомаоцзы» (заморские бараны; волосатики), «дабицзы» (длинноносые) – по отношению китайцев к русским.

Культурные различия, запечатлеваясь в сознании, как правило, приобретают оценочные характеристики, маркируются как положительные или отрицательные, предварительные психологические установки играют определяющую роль в оценке воспринимаемого. Так, в фольклоре русских Трехречья – этнолокальной общности потомков русских, исторически проживающих бок о бок с китайцами, это явление продуцирует тематический комплекс частушек, в которых в обобщенной образной форме высмеиваются нечистоплотность китайцев, непривычный запах, от них исходящий, необычные гастрономические пристрастия:

Ты китаиц, ты китаиц,
Ты – не русский человек:
Кошку жарил, хвост оставил
Своей жонке на обед!

[12: с. 240–241].

Процессы установления «своего» в «чужом» обусловлены рефлексией. Понять другого – значит осознать его отношение к себе как к субъекту восприятия. В частности, при помощи рефлексии восприятие «своего» в «чужом» уподобляется удвоенному зеркальному отражению [29: с. 255].

Объективно говоря, установка на нахождение общего способствует устранению отчуждения и внутреннему сближению с носителями иной культуры [23: с. 142]. К примеру, северо-восточные китайцы и русские дальневосточники с удовольствием констатируют, что отличаются от жителей центральных регионов своих стран могучим телосложением и особенным гостеприимством, щедростью в угощении, прямоотой характера ². Данные самохарактеристики представителей разных этносов, обусловленные проживанием в сходных климатических и геополитических условиях дальневосточного фронта [11], позволяют им лучше найти общий язык друг с другом.

Итак, образ взаимного восприятия – это явление, возникающее как результат формирования дифференцированного целостного представления о «другом» у контактирующих этносов, зависящее от картины мира воспринимающих субъектов, пространственно-временных условий, этнического сознания, констант и стереотипов, прошлого опыта, собственных оценок и установок.

Чтобы понять «другого», писатель пытается осознать его отношение к себе как к субъекту восприятия. Таким образом, взаимное восприятие этносами друг друга в литературе уподобляется удвоенному зеркальному отражению, то есть творцы, отражая другую культуру, отражают и себя в зеркале восприятия этого «чужого» («другого»).

Художественные образы восприятия одним этносом другого обусловлены исторической ситуацией, в которой происходит встреча этносов, этническими константами воспринимающих культур, этническими, политическими, социокультурными установками каждого конкретного автора. В процессе возникновения художественного образа

² Материалы полевых наблюдений А.А. Забияко. 1993–2018 гг. // Рукопись.

восприятия представителем одного этноса другого авторская точка зрения на отображаемую действительность (точка зрения на представителя «чужого» этноса) напрямую будет зависеть от этнической установки писателя, его способности к восприятию этноинтегрирующих признаков «чужого» этноса.

Образ «чужого» («другого») в литературе должен представлять собой не столько особое, отдельное эстетическое образование, сколько вариант ментальных структур – моделей, ценностных систем, свойственных изучаемой культурно-исторической эпохе, языку, культуре. Литературные образы, трактуемые как «образы восприятия», связываются с социальными и этнопсихологическими стереотипами, с универсальными константами культуры, с социально-историческими и культурно-психологическими контекстами эпохи.

Обратим внимание и на имманентную зависимость образа художественного от общественно-политических и религиозных установок той или иной эпохи, «...потому что больше, чем в расе, общественный человек живет в истории, в народе» [5]. А. Н. Веселовский считал, что человечество стремится к универсальности, именно подсознательное, безотчетное узнавание в «чужом» «своего» позволяет людям находить общий язык, а культурам – смешиваться [9]. Следуя за А. Н. Веселовским, мы можем сказать, что феномен восприятия этносов в литературном творчестве становится результатом работы механизма суггестивности – неразложимого сочетания этнической, идеологической и художественной интенциональности [43]. В современном гуманитарном знании для определения такого рода неразложимой системы базисных категорий используется понятие «фрейм» [17; 39].

Художественный образ восприятия одним этносом другого представляется вариантом межкультурного диалога, в котором фреймы этнического, религиозного, политического, поэтического сознания воплощены в художественном слове.

Авторы статьи детально исследовали образы взаимного восприятия русских и китайцев, запечатленные в публицистике и литературе [13; 14; 32; 33; 34; 35] – художественные образы, отразившие процессы взаимного восприятия русских и китайцев с XVII в. вплоть до 40-х гг. прошлого века [14; 33]. Учитывая сложные межэтнические, этносоциальные и общественно-политические процессы XIX–XX столетия, особенно – развитие международных отношений России и Китая, русских и китайцев, необходимо обратить внимание на следующее: этноцентризм русских и китайцев исторически сопряжен с политоцентризмом этих этносов (русских и ханьцев) как государствообразующих.

Образ восприятия Китая и китайцев в русской литературе к началу XX столетия имел определенную историю, берущую начало в XVII в. и отразившую по большей степени стереотипное проецирование на образ «чужого» политических и этнокультурных представлений русских писателей о себе, своей стране, ее истории (от «недвижного Китая» до «желтой опасности») [14].

Китайская литература практически не была знакома с образом России и русских вплоть до середины XIX в. в силу исторически сложившейся закрытости Поднебесной от внешнего мира. Специфическая природа художественных образов восприятия русских проявилась в годы становления новейшей китайской литературы, когда писатели левого крыла смогли воочию наблюдать русских у себя на родине – в качестве эмигрантов (Цюй Цюбо, Сяо Цзюнь, Сяо Хун, Дин Лин и др.) [14; 34]. Несмотря на разность художественных дарований китайских авторов, их объединила общая установка по отношению к русским беженцам: разочарование в силе и мощи «заморских дьяволов», утративших Родину, материальный достаток, не знающих чужие обычаи [14].

В то же время в советской литературе в 20-е гг. XX в. сложился в основном сочувственный образ «революционного

ходи», сумевшего преодолеть классовые предрассудки и выступившего на защиту новорожденного социалистического Отечества (Вс. Иванов, М. Булгаков, В. Маяковский и др.) [13]. И в том, и в другом случае идеологический фрейм стал призмой, определенным образом искажающей реальность. Однако в лучших образцах и китайские, и русские писатели смогли выйти за границы идеологических фреймов и зафиксировать интереснейшие наблюдения за представителями воспринимаемой культуры, разрушающие автостереотипы и гетеростереотипы (М. Булгаков «Зойкина квартира» – Сяо Цзюнь «Третье поколение», Сяо Хун «Горе Софии» и др.) [13; 33].

Таким образом, художественный образ восприятия одним этносом другого не может являться прямым источником сведений об этнических стереотипах и, в целом, этнических картинах мира, как это пытаются представить некоторые имагологи [28; 41]. Внутренний диалогизм художественного образа соединяет в себе авторскую точку зрения и точку зрения реципиента, объективное и субъективное, соответственно, в художественном образе восприятия представление о «чужом» и «своем» коррелируют, находятся в диалогических отношениях. В 80-е гг. прошлого века к типологически сходным идеям пришел французский литературовед Д-А. Пажо [30; 45].

Репрезентативной убедительностью обладает все же не индивидуальный образ восприятия, а типологическая система образов восприятия одним этносом другого, присущая определенной эпохе и социальной группе. В данной целостности художественные образы восприятия одним этносом другого обладают большей глубиной, могут опровергать стереотипы, воссоздавать и пересоздавать онтологические, ценностные характеристики этноса в сложности возможных противоречий, разносторонних оценок и изменчивых черт.

Наибольшей степенью достоверности в создании образов художественного

восприятия, на наш взгляд, обладает та совокупность произведений, что определяется понятием «художественная этнография» – результат художественного освоения авторами культурных, религиозных, психологических установок, нравственно-этических норм, особенностей обустройства быта представителей определенного этноса [11: с. 21–58]. В начале XX века на Дальнем Востоке (в Приморье, Северной Маньчжурии) данное направление активно развивали ученые-этнографы Н. А. Байков, П. В. Шкуркин, В. К. Арсеньев [11: с. 242–282]. В произведениях этих авторов художественные образы восприятия инокультуры и ее представителей складывались, во-первых, в соответствии с типологической логикой работы научного сознания [11: с. 45–56]. С другой стороны, каждый автор создавал эти образы в соответствии с доминирующим фреймом восприятия (политическим, идеологическим) – потому, например, художественные образы воспринимаемых этносов у Байкова и Шкуркина и будут отличаться, несмотря на научную достоверность изображаемого [11: с. 45–56]. Байков, будучи сторонником идеи «панмонголизма», использует не только научные описания разных этнических типов, но и прямые характеристики, декларативные монологи («В горах и лесах Маньчжурии», «По белу свету» и др.). П. В. Шкуркин, знающий китайскую и маньчжурскую культуры изнутри, владеющий языками и настроенный прокитайски, в своих этнографических рассказах в основном использует повествовательный прием «двойной этнической точки зрения», когда повествующая инстанция незаметно переходит от русского офицера к китайцу, маньчжур и т.д. («Хунхузы», «Игроки»). В совокупности художественных и научных произведений В. К. Арсеньева, Н. А. Байкова, П. В. Шкуркина и создается, например, образ восприятия китайцев начала XX в., населяющих территории дальневосточного фронта.

Отдельного разговора о последовательности и целостности заслуживают образы восприятия и приемы имагопоэтики в повествованиях, основанных на усилении беллетристического начала и имитации жанрового канона воспринимаемой литературы (в дальневосточной эмиграции это творчество Б. Юльского, М. Щербакова, П. Северного, Г. Кочурова и др. [33: с. 145–153]). Своей спецификой характеризуется содержание художественных образов восприятия и имагопоэтика в лирических текстах, где индивидуальность, импрессионизм восприятия сочетаются с экономностью средств его выражения (в творчестве Л. Андерсен, А. Паркау, А. Несмелова, Н. Светлова и др.)

Итак, образ художественного восприятия моделируется этническими, религиозными, политическими и художественными

фреймами воспринимающего сознания и является базовой категорией имагопоэтики. В качестве воспринимаемых объектов (первообразов) выступают пространственные и временные феномены, представления о святости, праведном и неправедном, этнические типы, культурные и литературные традиции и др. Приемы создания художественного образа восприятия инокультуры определяются, в первую очередь, художественной интенциональностью, родо-жанровой природой произведения и стратегиями выражения авторской субъектности. Наиболее продуктивным является исследование в синхроническом аспекте художественных образов взаимного восприятия этносами друг друга, приводящее к корреляции фреймов воспринимающих сознаний и созданию целостного представления о воспринимаемых культурах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева, Г.М.* Социальная психология / Г.М. Андреева. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 229 с.
2. *Богомолова, Н.Н., Стефаненко, Т.Г.* Образы американца и советского человека в восприятии московских студентов и на страницах молодежной прессы / Н.Н. Богомолова, Т.Г. Стефаненко // Вестник МГУ. – Вер. 14. Психология. – 1991. – № 3. – С. 3–11.
3. *Бодалев, А.А.* Восприятие и понимание человека человеком / А.А. Бодалев. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1982. – С. 5.
4. *Веселовский, А.Н.* Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – М. : Высшая школа, 1989. – 404 с.
5. *Веселовский, А.Н.* Социальные идеалы и идеалы искусства / А.Н. Веселовский. – // Традиционная культура. Научный альманах. – Том 19. – № 1. – 2018. – С. 13–35.
6. *Владимирова, Д.А.* Проблемы этнокультурного взаимодействия и взаимовосприятия китайцев и русских на российском Дальнем Востоке и северо-востоке Китая (вторая половина XIX – начало XX вв.) : дис ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Д.А. Владимирова. – Владивосток, 2005. – С. 62–70.
7. *Выготский, Л.С.* История развития высших психологических функций. Собр. соч. в 6 томах / под ред. А.М. Матюшкина. – М. : Педагогика, 1983. – Т. 2. – С. 196.
8. *Гегель, Г.В.Ф.* Эстетика: В 4 т. Т. 3. / Г.В.Ф. Гегель. – М. : Искусство 1968. – С. 342–359.
9. *Говенько, Т.В.* К истории идеалов: неизвестная работа А. Н. Веселовского / Т.В. Говенько // Традиционная культура. Научный альманах. – Том 19. – № 1. – 2018. – С. 31–35.
10. *Донцов, А.И., Стефаненко, Т.Г.* Социальные стереотипы: вчера, сегодня, завтра / А.И. Донцов, Т.Г. Стефаненко // Социальная психология в современном мире. Хрестоматия / Сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2012. – С. 78–83.
11. *Забияко, А.А.* Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина : Монография /

А.А. Забияко. – М-во образ. и науки РФ, Амурский гос. ун-т. – Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. – 437 с.

12. *Забияко, А.А.* Фольклор русского населения Трехречья как способ сохранения этничности / Забияко А.П., Забияко А.А. // Русские Трехречья: основы сохранения этнической самобытности. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – 340 с.

13. *Забияко, А.А., Сенина, Е.В.* Образ восприятия Китая и китайцев в советской литературе и публицистике 1920-1940 [Электронный ресурс] / А.А. Забияко, Е.В. Сенина // *Rossica Olomucensia*. – 2019. – № 1. – Vol. LVIII. – С. 67–86. – Режим доступа: https://www.ff.upol.cz/fileadmin/userdata/FF/katedry/sla/dokumenty/rusistika/Rossica/Rossica_2019_1_Zabiako_Senina.pdf (дата обращения 05.11.2020).

14. *Забияко, А.А., Сенина, Е.В.* Образы восприятия русских эмигрантов в китайской литературе 1920-1940 гг. [Электронный ресурс] / А.А. Забияко, Е.В. Сенина // «Emigrantologia Slowian». – Opole. – 2016. – Vol. 2. – P. 19–32. – Режим доступа: <http://emigrantologia.uni.opole.pl/wp-content/uploads/02.-Zabijako-Senina-Obraz.pdf> (дата обращения 05.11.2020).

15. *Забияко, А.П.* Категории «свой» – «чужой» в этническом сознании / А.П. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах : [материалы 3 междунар. науч. конф.] / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2003. – Вып. 5. – С. 224–228.

16. *Забияко, А.П.* Образ / А.П. Забияко // Культурология. XX век. Энциклопедия. – СПб. : Университетская книга, 1998. – Т. 2. – С. 102.

17. *Забияко, А.П.* Фреймы в религиозоведении / А.П. Забияко // Вестник Российского сообщества преподавателей религиозоведения, 2008. – № 1. – С. 33–35.

18. *Забияко, А.П.* Этническое сознание и этнокультурные константы как фактор русско-китайских отношений / А.П. Забияко // Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / под ред. А. П.

Забияко – Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2009. – С. 124–140.

19. *Забияко, А.П., Кобызов, Р.А., Понкратова, Л.А.* Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2009. – 412 с.

20. *Зинченко, В.П.* Восприятие / В.П. Зинченко // Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещярикова, В.П. Зинченко. – М. : АСТ, 2008. – С. 106–107.

21. *Кон, И.С.* Этноцентризм / И.С. Кон // Философский энциклопедический словарь. – М. : изд. Советская энциклопедия 1983. – С. 812.

22. *Королева, С.Б.* Миф о России в британской литературе (1790-е – 1920-е годы) : дис. ... д-ра. филол. наук. : 10.01.03 / С.Б. Королева. – Нижний Новгород, 2014. – 461 с.

23. *Ли, Иннань.* Русские и китайцы: Образ «другого» / Иннань Ли // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Сборник материалов международной научно-практической конференции / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2010. – Вып. 9. – С. 140–147.

24. Мы и они. Конформизм и образ «другого»: сб. статей на тему ксенофобии / отв. ред. Л.С. Васильев. – М. : КДУ, 2007. – С. 17.

25. *Ощепков, А.Р.* Имагология / А.Р. Ощепков // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. – С. 251–253.

26. *Ощепков, А.Р.* Образ России по французской прозе XIX века : дис. ... д-ра. филол. наук : 10.01.03 / А.Р. Ощепков. – М., 2011. – 410 с.

27. *Палиевский, П.В.* Внутренняя структура образа / П.В. Палиевский // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении / ред. Г.Л. Абрамович, Н.К. Гей. – Кн. 1. – М. : Наука, 1962. – С. 76.

28. Папилова, Е.В. Художественная имагология: немцы глазами русских (на материале литературы XIX в.): дис. ...канд. филол. наук : 10.01.08 / Е.В. Папилова. – Москва, 2013. – 198 с.
29. Петровский, А.В. Общая психология: учебник для студ. пед. ин-тов / ред. А.В. Петровский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1976. – С. 256.
30. Поляков, О.Ю. Принципы культурной имагологии Даниэля-Анри Пажо / О.Ю. Поляков // Филология и культура. – 2013. – № 2. – С. 181–184.
31. Роднянская, И.Б. Автора образ / И.Б. Роднянская // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – С. 13.
32. Сенина, Е.В. Металитературная рефлексия китайской культуры в творчестве дальневосточных эмигрантов / Е.В. Сенина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – № 1 (57). – С. 145–153.
33. Сенина, Е.В. Образы взаимного восприятия русских и китайцев в русской и китайской литературе и публицистике первой половины XX в. : дис. ...канд. фил. наук : 10.01.01 / Е.В. Сенина. – Москва, 2018. – 247 с.
34. Сенина, Е.В. Образ России и русских в «Путевых заметках о новой России» Цюй Цюбо / Е.В. Сенина // Проблемы Дальнего Востока. – 2017. – № 4. – С. 158–166.
35. Сенина, Е.В., Забияко А.А. Образ русской женщины в китайской литературе 20-40-х годов XX века / Е.В. Сенина, А.А. Забияко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 3 (51). – С. 275–282.
36. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов / Т.Г. Стефаненко. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 368 с.
37. Тамарченко, Н.Д. Точка зрения / Н.Д. Тамарченко // Введение в литературоведение: учебник / под ред. Л.В. Чернец. – М. : Издательский центр «Академия», 1999. – С. 291.
38. Трыков, В.П. Имагология и имагопоэтика / В.П. Трыков // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 3. – С. 120–128.
39. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // НЗЛ, 1988. – Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка. – С. 24–25.
40. Храпченко, М.Б. Горизонты художественного образа / М.Б. Храпченко. – М. : Художественная литература, 1982. – С. 79.
41. Хузиятова, Н.К., Панина, М.Е. Образ России в художественной публицистике Фэн Цзицая (опыт концептуального анализа) / Н.К. Хузиятова, М.Е. Панина // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. – 2017. – Т. 16. – № 4: Востоковедение. – С. 79–84.
42. Эпштейн, М.Н. Образ художественный / М.Н. Эпштейн // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – С. 252.
43. Юнг, К.Г. Жизненный рубеж / К.Г. Юнг // Проблемы души нашего времени. – М. : Прогресс, 1994. – С. 188.
44. Lippman, Walter. Public opinion / Walter Lippman. – New York, 1922. – P. 79.
45. Pageaux, D.-H. Une perspective d'études en littérature comparée: l'imagerie culturelle / D.-H. Pageaux. – Synthesis. – Bucarest, 1981. – VIII. – P. 169–185.